

сразу же уведомили самарских коллег, что Таиров «проявлял крайне вредную активную революционную деятельность, за что неоднократно привлекался к дознаниям»⁵⁸, и поэтому нуждается в особом наблюдении.

Шлейф полицейской слежки тянулся за ним до 1917 года. После падения самодержавия Таиров возвратился в родную Тверь, где продолжал работать врачом. В начале 20-х годов следы его теряются...

Таким образом, перлюстрированное царскими жандармами письмо позволило установить ранее неизвестного литературоведам собеседника Льва Толстого — земского врача Алексея Александровича Таирова, посетившего Ясную Поляну 15 октября 1905 года.

РЕЦЕНЗИИ

ЖАЛЕЮЩАЯ КАМЕНЬ

Лилия Газизова. Верлибры: стихи; [авт. предисловие А. Переверзина]. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2016. — 159 с.

Уподобление книги другу, а повторного обращения к тексту — встрече со старым другом избито до не могу.

Но иногда бывают ситуации, когда без этой «избитости» не обойтись.

Критикам приходится «встречаться со старыми друзьями», то есть новыми произведениями уже знакомых авторов, особенно часто. Работа у нас такая.

Книги казанской поэтессы, переводчицы, культуртрегера, организатора поэтических фестивалей Лилии Газизовой я читала неоднократно и отзывалась на две из них — «Канафер» (2011) и «Люди февраля» (2013).

В новую, изданную в Татарстане, книгу верлибров Газизовой — с названием изощренно-простым — «Верлибры» — вошли лучшие тексты из этих двух ранних сборников. При чтении «Верлибров» «узнаваний дружеских лиц» выпало мне много.

Казалось бы, все, что можно сказать о поэзии Лилии Газизовой, давно сказано: поэтесса не в той стадии литературного опыта, когда ищут себя, то есть ломают форму и экспериментируют со слогом. Все качества ее поэзии...

...которые я характеризовала следующим образом: «Стихи Лилии Газизовой словно бы говорят тихим голосом. Тихая душевная речь — лучший способ, чтобы тебя услышали. Это «диалог» не голоса со слухом, а сердца с сердцем»; «стихи Лилии Газизовой такого рода, что им не всегда нужен и сюжет. Порой поэтессе достаточно тонкого узнавания Другого, человека ли, места ли — те и другие для Лилии всегда обиталища души»; «Обилие бытовых узнаваемых деталей, тем не менее, не приводит эти стихи к «горизонтальной» плоскости. Поэзия в том и состоит, чтобы отрываться от земли — и Лилия Газизова отлично это умеет»

...остались при ней. Как и приверженность жанру верлибра.

Стоит отметить, что служение верлибру для поэта — явление несколько провокационное, одиозное. Практически все рецензенты, писавшие о стихах Газизовой, рассматривали их в контексте верлибра. Показательна рецензия Анастасии Ермаковой в «Литературной газете» от 2 февраля 2011 года, хвалящая Лилию Газизову «от противного»:

⁵⁸ Там же. Л. 100.

«Ругать верлибристов давно стало общим местом. Нет, наверное, такого поэта-традиционалиста, который не кинул бы камень в поэта, пишущего верлибры. И это понятно: кажущаяся простота стихов в этом жанре привлекает графоманов и недобросовестных сочинителей. И получается или — что вижу, то и пою, или нечто труднопроизносимое и труднопонимаемое, с массой лишних необязательных слов.

Но талантливые авторы, пишущие верлибры, все же есть. Одна из них — Лилия Газизова, замечательный поэт из Казани».

Александр Переверзин, автор предисловия к книге «Верлибры» и составитель двух предыдущих книг Газизовой, не сходит с проторенной дорожки. Он тоже «говорит Газизова, подразумевает верлибр» и наоборот: «...отмечу, что, как верлибрист, Газизова за несколько лет прошла значительный путь в формальных и эстетических поисках... Отказавшись от „вторичных признаков“ стиха — ритма и рифмы, в этой книге Лилия Газизова ...заканчивает переход от слогового стиля речи к новой стихии — к стихии полнозначного слова».

Александр Переверзин также заявляет, что именно в книге с «профессиональным» названием Газизова «впервые прямо декларирует свою нынешнюю эстетическую позицию», то есть выбор верлибра, но я считаю, что этот выбор поэтесса сделала много лет назад и выразила его достаточно ясно. Она уже давно говорит в стихах исключительно «высоким слогом русского верлибра». Ну вот, и у меня не получилось избежать соблазна!.. А ведь формула «Газизова = верлибр» очевидна.

Очевидное не стоит слов. Упоминания заслуживает то, что неожиданно, удивительно и ломает стандарты. Скажем, ритмо-рифмованное стихотворение Лилии Газизовой — в новой книге по имени «Верлибры» оно выглядит демонстративно:

Дожди идут, как пленные солдаты,
Не в ногу, спотыкаясь и вразброд.
А я пока не чувствую утраты.
Неверие мне силы придает.
(...)

И через год, не веря, не проверив,
Гляжу на ненадежный водоем.
...Но за тобою не закрылись двери
Во сне. Мы там еще вдвоем.

Образ «дожди идут, как пленные солдаты» поэтичен и нов. Он делает честь этому стихотворению, но он бы хорошо смотрелся бы и в верлибре. На мой взгляд, верлибру и силлабо-тонической поэзии следовало бы не «бороться», а, напротив, искать точки соприкосновения. «Пуповиной», роднящей эти два стихотворных языка, я бы назвала точность и эмоциональность высказываний. «Пленные солдаты — дожди» убийственно точная метафора. Она паразит любого чувствующего читателя, даже не ведающего фактов, давших толчок рождению этого стихотворения-непрощания.

Мне эти факты ведомы, но для постижения поэзии реалистическая база не имеет основополагающего значения. Гораздо важнее, чтобы оказался до жути реалистичен тот мир, который существует в стихах, чтобы в него поверили:

Я жду утешных дней.
Когда слова вернут себе
Значения исконные.

Пруд будет означать
Округлый водоем,
Март снова станет
Одним из месяцев
Весенних.

Если задуматься над этими строками, вплотную подступит пугающая суть. Что это за искаженное пространство, в котором пруд означает не только округлый водоем, а март — не только весенний месяц? Что, помилуй Боже, означает исконность пруда, кроме пруда?.. Замешкавшись тут мыслью, словно падаешь в ледяную воду, заранее зная, что она ледяная. Стихи дышат холодом, и он лишь нарастает:

Но смысл соседний
Будет наступать,
Когда мне слишком много
Будет солнца.
Я своевольничать не стану
И март приму,
И черный водоем,
И пустоту.
Без смысла
И без боли.

Накатывает пустота, чернота. И смерть, расположившуюся на соседней странице, встречаешь уже предуведомленным:

Каждое утро
Придумываю твою смерть.
И к вечеру
Она сбывается.
Но к рассвету
Ты снова оживаешь
И гладишь мои волосы.

Этот верлибр прост и прямолинеен, лишен иносказаний и намеков. А вот родное ему по духу стихотворение, превращенное в сплошную метафору, в коей чувствуется динамика мультипликационного фильма (правда, грустного):

Ты снова приземлилась
На четыре лапы,
Душа моя.
Исхитрилась,
Ловкая.
Не разбилась.

Чем поманила тебя высота?
Новым горизонтом?
Близким небом?

Однажды
Это уже было:
Солнечная крыша,
Далекая земля.

И где-то там,
Среди облаков,
Близкая
И ненадежная
Дорога...

Поэтический лик нашей героини изменчив, несмотря на пристрастие к излюбленному жанру и форме стихосложения. Лилия Газизова меняет тон, ракурс зрения: то сверху, из поднебесья, то сбоку, с позиции «рядом, на одной земле», то даже «изнутри», из глубины души. Меняет города, страны, даже космические тела:

Как хочется,
Забравшись на дерево,
Выть на луну,
Или, наоборот:
Забравшись на луну,
Выть на дерево.

При этом оставаясь сама собой.
Газизова может быть убедительно конкретной:

В Линданисе
Есть камень-лицо.
Он лежит на пустынном газоне.
У него мешки под глазами
И улыбается рот.

Кем он брошен здесь?
От какой скалы-матери
Откололся?
О, камень-репатриант!

И вместе с тем эксцентричной: надо же додуматься окрестить камень репатриантом!..

И вместе с тем сентиментальной: надо же его пожалеть!.. Ведь даже семантически в русском языке «камень» и все его производные означают твердость, безразличие, бессердечие: «И кто-то камень положил в его протянутую руку...» А Газизовой его — камень — жалко. Несмотря на то, что увидела его даже не «вживую», а на фотографии. Но вот такой перед нами парадоксальный автор. Автор, которому искренне жалаешь новых парадоксов — и новых книг.

Елена САФРОНОВА